

Яков Кротов

**ТЫСЯЧА СЛОВ
О СВОБОДЕ**

---

1 000 слов

ТЫСЯЧА СЛОВ О СВОБОДЕ

Свобода — интересно, политика — скучно. Какая жалость, что свободы без политики не бывает. Любая свобода, самая полная, нуждается в политике, как деньги нуждаются в экономике. Не будет экономики — на деньги ничего нельзя будет.

Инфляция сжирает деньги, аполитичность сжирает свободу, вплоть до того, что остаётся одна внутренняя свобода, а о внутренней свободе говорят либо рабы, либо рабовладельцы, говорят по-разному, а результат один — настоящее рабство.

Свобода либо растёт, либо гниёт, потому что свобода не бывает в одиночестве. В шахматы можно играть одному, в свободу одному можно только играть, только вот свобода не игра, как и любовь. Более того: любовь и к одному человеку — любовь, даже любовь к самому себе корявая, но любовь, а свобода одного, двух, даже всего человечества за вычетом одного человека, это уже не свобода. Без меня жизнь неполная, но без другого — свобода неполная.

Свобода для себя одного это всего лишь воля, и хорошо ещё, если не железная. Свобода-для-себя даже хуже вещи-в-себе, которая не агрессивна и готова стать вещью-для-другого. Свобода-для-себя очень агрессивна и похожа на просто свободу как самлюбие, а то и самовлюблённость похожи на любовь.

Свобода не любовь, не мать и не тётка любви, свобода просто мир, в котором любитесь любовь. Любовь избирательна, свобода не избирательна, она не предпочитает одного другому, зато свобода выбирает.

Любовь избирательна без выбора, любящий не выбирает, кого любить, выбор это дело свободы как верность дело любви. Свобода без дел мертва, и дела эти все — выборы в том или ином виде. Свобода совести выбирает, терпеть бессовестность другого или нет (да, терпеть). Могут ли мои враги собираться, печататься, печатать, мигрировать, эмигрировать, обсуждать, молчать?

Свобода собраний, печати, передвижения начинается там, где начинается другой, где начинается адский ад. Свобода противоположна любви, которая есть чистый беспримесный рай, ибо другой любви не враг, не другой, а часть тебя, как ты часть его.

Свобода для своих, свобода для небидных и безопасных, свобода для подчинённых и тихих, — это дешёвка, а не свобода, свобода-лайт, химическая и слащавая. Свобода-лайт, без единой килокалории настоящей свободы. Готтентотская свобода: хорошо, когда свободны хорошие, плохо, когда свободны плохие. Именно к такой свободе по умолчанию склонен всякий человек, ведь вырастаем мы именно в такой свободе — свободе внутри семьи, в гнезде, в доме-крепости.

Второе рождение человека не тогда, когда он из родительского дома переходит в свой дом, а когда он выходит из дома на свободу. Первая смерть человека — когда он загоняет кого-то в свой дом силой, пытается превратить весь мир в дом, где добрый папа-патер патерналистски патернализирует всех, до кого может дотянуться.

Свобода есть мир без границ, но мир без границ можно устроить двумя противоположными способами — свободным и тоталитарным. Деспотизм уничтожает границы, уничтожая свободных людей, превращая людей в рабов. Свобода уничтожает границы, объединяя свободных людей.

Свободы нет ни в прошлом, ни в настоящем. Драма в том, что многие люди считают настоящее достаточно свободным временем. Что уж говорить о ностальгии по прошлому. Ну какая свобода могла быть у пещерного человека? Пещерная свобода.

Пещерная свобода всегда рядом, всегда за спиной, её легче защищать, чем будущую свободу. Легче, потому что прошлое обладает авторитетом. Свобода жить прошлым. Прошлое ведь было, оно осязалось, в него вкладывали персты. Прошлое можно предъявить, оно общий язык для живущих в настоящем. Прошлое — синица в руках, будущее журавль в голове.

Будущая свобода живая, прошлая свобода мёртвая. Рабству выгодно прошлая свобода и борьба за неё. Отобрать и дразнить: а ну-ка отбери. Человек без прошлого невозможен, отобранное нужно возвращать, на два шага вперёд и без внешнего врага всегда придётся один шаг назад, но свободу нужно всегда возвращать с процентами. Рабовладение должно стоять на счётчике, от него нужно требовать не то, что оно взяло, а намного больше. Если взяло, значит, свободы было недостаточно.

Рабство всегда есть результат недостаточности свободы, столь же опасной, как недостаточность сердечная. Кирпич может упасть на голову всякому, но не всякого кирпич убьёт — человек может быть в каске. Свобода есть каска рабочего, не каска солдата.

Когда свобода начинает воевать за безопасность, она превращается в рабство. Побеждённый становится трупом, победитель становится рабом. Поливать дерево свободы кровью тиранов не нужно, потому что свобода не дерево, да и кровь тиранов — это кровь таких же людей, как тех, кого тираны поработили. Прошлое всё — война за свободу, и каков результат? Да, свободы стало больше, но «больше свободы» — не «свобода», а пустышка. Свобода не делится на кусочки. Свобода как победа над тираном, вообще свобода как победа это лже-свобода, картонная, несъедобная. В настоящем больше свободы не потому, что проливали чью-то кровь, прямо наоборот.

Свобода не выращивается, а строится, выстраивается вместе с другими. Свободу не купить смертью, ни чужой, ни своей. Нельзя наладить разговор, убив собеседника. Другой по определению — собеседник. Убив его, убиваешь беседу. В одиночестве не остаёшься, но и свободы настоящей не обретаешь. От безопасности душадохнет.

Что же, проповедовать свободу? А смысл? Предлагать яблоки есть смысл только тому, кто знает и любит вкус яблок. Тем не менее — да, проповедовать свободу, потому что каждый знает свободу, даже рождённый в рабстве. Свобода не яблоко, свобода воздух. Каждый жив настолько, насколько свободен. Тут начинается искушение: если я живой, значит, свободен? Э нет, совершенно необязательно.

Опусти очи свои и посмотри на окружающих: если окружающие свободны, тогда только я живой. Если же вокруг нет свободы, то моя внутренняя свобода — в лучшем случае, беременность свободой на раннем сроке, в худшем — самодовольное рабовладение или не признающее себя рабство.

Свобода противоположна не рабству — раб может быть внутренне свободен — свобода противоположна войне. Воюющий — согласившийся на войну, финансирующий войну — может быть свободен внешне, может не быть на фронте, быть в увольнительной, в отставке, на пенсии, может быть кассиром, из налогов которого оплачивается война — но внутри уже блиндаж. Война не последний довод, а отри-

цание всяких доводов. Неважно, освободительная, превентивная, священная, отечественная, — война всегда есть несвобода, и выбор войны есть выбор несвободы.

Война так же не есть продолжение политики другими средствами, как рабство не есть осуществление свободы другими средствами, даже для рабовладельца. Что же теперь, руки вверх поднимать при первом нападении? Свободный человек не поднимает руки вверх, потому что у него руки всегда заняты. Не надо опускать руки, тогда не придётся их поднимать. Свобода есть дело на всю жизнь — и не только на свою, но и на чужую — дело политики мирной, дело прав и справедливости, дело мира и милосердия.

См. сайт Якова Кротова: yakov.works